

Анна Терентьева

ВОЛЬНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

**Оренбург
2020**

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.4

Т 35

Эта книга издана при финансовой поддержке
Министерства культуры Российской Федерации
и техническом содействии Союза российских писателей

Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Анна Терентьева. Вольные путешествия. Очерки. – Оренбург:
Издательский центр МВГ, 2020. – 80 с.

Перед вами сборник рассказов, собранных из заметок автора
об одиночных женских путешествиях по России, Азии
и Юго-Восточной Европе. Автостопом, поездом, пешком.
В горы и города. Все события реальны. Имена некоторых героев
изменены.

ISBN 978-5-9072974-4-9

© Анна Терентьева, очерки, 2020 г.
© Издательский центр МВГ, 2020 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

*Дорога – это проснуться ночью, почти наощупь собрать рюкзак,
позволить сотням пустых обочин всюду плескаться в твоих глазах.**

Здесь не будет советов о подборе горящих путёвок с трансфером до
гостиницы и all inclusive. Последние четыре года я предпочитаю режим
«всё выключено», а вместо пятизвёздочного отеля выбираю отель тысячи
звёзд – палатку в горах.

Обычно с собой у меня деньги только на необходимые расходы: транспорт
и еду. За плечами 12-килограммовый рюкзак. Внутри – палатка, спальник,
пенка, горелка, кастрюлька, термос, нож, камера, электронная книга, пау-
эрбанк, запасной комплект термомобелья и документы.

Я просыпаюсь в четыре утра и проверяю вещи по списку. Пора выхо-
дить. Действия подробно расписаны до прибытия на место. Дальше – как
повернёт дорога.

*И пусть закончишь ты это просто, домой вернувшись в конце концов.
Но видишь – линии перекрёстков опять рисуют твоё лицо.*

Сергей Лачинов*

НОЧЬ ВО ДВОРЦЕ: ДВУХСОТЛЕТНИЙ ПРИЮТ

Бухара

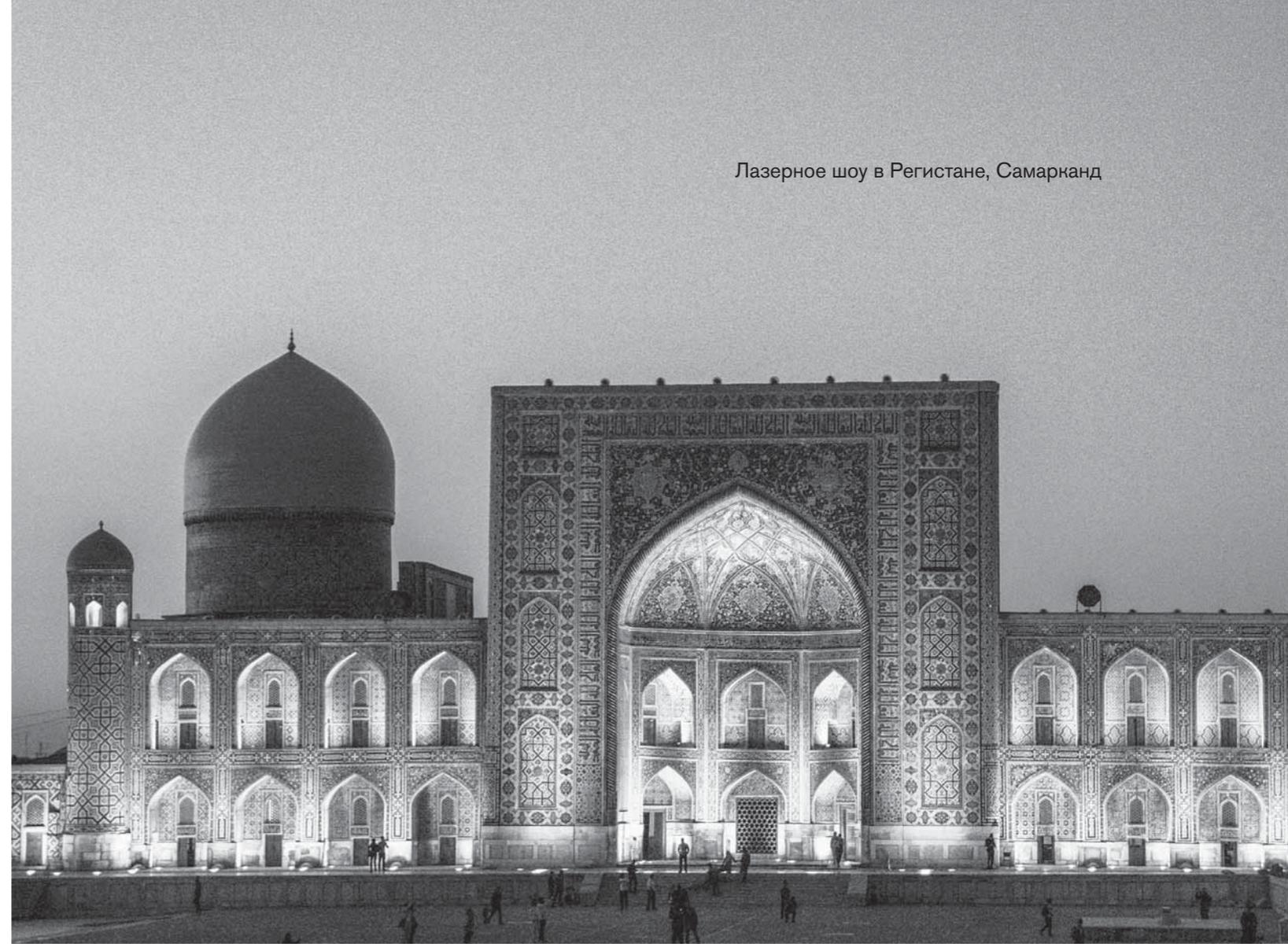
Сентябрь 2019

Древнее медресе Регистана пылало огнём. Пожар был голографический: туристы из Японии заплатили приличные деньги за показ лазерного шоу. Остальные могли полюбоваться впечатляющим зрелищем бесплатно чуть поодаль.

Говорят, такой концерт устраивают раз в месяц. Поглазеть на него приходит весь город. Я попала на демонстрацию истории Узбекистана за 20 минут случайно, проходя мимо центральной площади, потому что «все дороги ведут в Регистан».

«Ты в Самарканде? Давай встретимся там и автостопом доедем вместе до Бухары?»

Регистан — буквально «площадь, покрытая песком». Центральная площадь Самарканда, Узбекистан. Яркий пример исламской архитектуры.

Лазерное шоу в Регистане, Самарканд

Телефон отрывает от летающих по стенам медресе Улугбека разноцветных планет. Пишет Жамик — бывший автомеханик, теперь мировая знаменитость среди самостоятельных путешественников. Он поделился бесплатным ночлегом уже с несколькими сотнями молодых людей — сёрферов.

Жамик арендует караван-сарай «Олим-джон» в старом городе. Всё началось с шахматного клуба и библиотеки, а со временем постоянный двор превратился в кауч-приют для путешественников со всего мира. Сам же гостеприимный хозяин за свою жизнь ни разу не выезжал за пределы Узбекистана.

В Бухаре меня ждала келья из жжёного кирпича, в которой я проживу четыре дня, но именно перед моим приездом хозяина не было дома: Жамик наконец решил повторить то, о чём ему рассказывали многочисленные гости. Он возвращался из своего первого путешествия.

Вдвоём голосовать на дороге безопаснее, да и веселее. — Там такие горы! А дороги! Они ровные, Ань! От границы отъезжаешь — и сразу ровные! — Жамик де-

Сёрферы — люди, которые ищут жильё на международном сообществе путешественников.

лил впечатлениями от своей поездки в соседний Таджикистан.

Нас подобрал грузовик с помидорами. Четырёхчасовой маршрут мы преодолели за девять часов: разбитый фургончик не мог выжать больше 40 км/час. Но сказать доброму и молчаливому водителю, что он слишком медленный для нас, и искать другой транспорт было неловко. До караван-сарая мы добрались уже под утро.

Сонная Бухара встретила нас вывеской «Лас-Вегас»: придорожный бар покидали самые стойкие посетители. Солнце досматривало сны.

Жамик показал мне моё жильё на ближайшие дни, дал ключ и ушёл — в караван-сарай он не ночевал.

Одна в темноте в незнакомом городе и чужой стране, я беспокойно заснула на брошенной на пол *курпаче* под мурлыканье вислоухого котёнка. Последней мыслью было: «Главное, чтобы жук в ухо не заполз».

Утро разбудило нестройным хором голосов. Я тихонько приоткрыла дверь низкой кельи. Двор караван-сарая заполнился людьми. Европейский турист

Курпача — стёганный матрац, который в доме выполняет одновременно несколько функций. На нём сидят во время приёма пищи за низким столом, также курпачу стелют на топчан и отдыхают или же спят на ней ночью. Для народов Средней Азии курпача — это неотъемлемая часть повседневного образа жизни.

Двор караван-сарая «Олим-Джон»

играл в шахматы с загорелым узбеком. Кареглазые женщины в длинных платьях подметали земляной пол. Вокруг неспелой айвы бегал подросток – маленькая копия Жамика, его племянник.

Жамик налил мне горячего чая в пиалу, разрисованную знаменитым растительным орнаментом – стилизованные листья и головки хлопка.

– Сначала тут был постоянный двор, а сто лет назад на этом месте устроили тюрьму. А во время голода 1921–22 годов сюда эвакуировали жителей Поволжья, и вплоть до 70-х годов здесь было что-то вроде общежития.

Да, Бухара считалась одним из благополучных мест во времена массового голода, поэтому сюда и съезжались невольные беженцы.

В России о «хлебной монополии» Узбекистана 1920-х предпочитают не помнить. Тем не менее, ещё в пору работы телекорреспондентом я исследовала те годы.

Тот же Оренбург, в котором я прожила 10 лет (в начале XX века он был столицей Киргизской, а на самом деле Казахской АССР), пострадал чуть ли не больше всех.

И без того негустой из-за засухи урожай весь уходил на двойной план продразвёрстки, а есть хотелось... Собаки, кошки и птицы в ка-

кой-то момент закончились. Больные дети сидели среди мёртвых родителей. Трупы не убрали сутками. Мертвецов выкапывали из могил и ели. Неудивительно, что Оренбургскую губернию сразу же охватила эпидемия холеры, а потом тифа.

Узбекская лепёшка встала поперёк горла. В такое время вспоминается каждый недоеденный и выброшенный кусок.

Тяжёлые мысли прервал звон укулеле – мою «игрушечную гитару» взял в руки степенный мужчина в тюбетейке. Асрор, местный певец и учитель, наигрывал национальную мелодию. Густой звук разнёсся над караван-сараями и, не встретив препятствий, устремился за черепицу к минарету.

Отсюда можно не уходить целый день – здесь и фотовыставка, и пластинки Высоцкого, и кафе, и шахматный клуб, и второй этаж с узкими лестницами. А с крыши виден Ляби-Хауз – архитектурный ансамбль, построенный вокруг бирюзового водоёма. За ним спрятался Еврейский квартал с улицами шириной в шаг и дверьми, пройти в которые можно только склонившись вдвое.

Но дорога зовёт, и на память о моих ночёвках в келье дервишей останется исписанная страница в пухлой тетради отзывов Жамика среди сотен других записей на русском, английском и хинди.

Асрор, местный певец,
играет на укулеле

А через месяц я отправлю в Узбекистан свою первую книгу стихов, которую издадут во время моего путешествия в страну, где 300 дней в году светит солнце.

Путешествие Жамика в Таджикистан осталось пока что единственным в его копилке. А гостей он принимал вплоть до марта 2020 года.

БЕСПЛАТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Автостоп

Для того чтобы начать путешествовать, не обязательно нужны деньги, машина и спланированный маршрут. Иногда достаточно взмахнуть у трассы раскрытой к шоссе ладонью или рукой с поднятым вверх пальцем — и вот ты уже едешь с попутчиком.

Рюкзак за плечами увеличивает шансы на остановку авто: водителям интересно не подвезти кого-то бесплатно, а поговорить с путешественником. Куда едешь? Где уже побывал? Как там у них? А я вот тоже всё собираюсь...

Уфимская трасса, село Булгаково. Только вы и дорога. А, нет, ещё женщина на обочине стоит. На голове платок, в руках картонная табличка с надписью «Учалы». Таким способом здесь ищут попутку.

— Давно стоите?

– Прилично... но никто не останавливается.

Яркие, в горнолыжных куртках и с походными рюкзаками, мы проходим вперёд метров триста, не успеваем начать голосовать, как тут же тормозит авто.

Молодой водитель заметно рад, что подобрал путешественников – одному скучно. Проехали с ним добрую сотню километров – редкая удача.

– А вот этот поворот у нас роковой. Называется «Тёщин язык». Знаете почему? – парень увлечённо играет роль гида.

– Не, не знаем, – я приготовилась записывать.

Недалеко от Булгакова трасса Уфа – Белорецк резко меняет направление и уклон. Именно этот изгиб и прозвали «Тёщиным языком». На этом остром повороте постоянно разбиваются на смерть. Зимой особенно опасно. На всякий случай пристегнулась на заднем сиденье.

– Я вот тоже хочу путешествовать, да всё никак, – Булат сокрушённо выдаёт самую распространённую фразу водителей.

Высадил нас на подъезде к Ассе – до цели остаётся ещё 150 километров. Перекусываем бананом со сладким чаем. Не признаю чай с сахаром всегда, кроме походов, когда нужно быстро напиться глюкозой и можно тут же сжечь калории.

Следующей останавливается иномарка. За рулём — седой офицер.
— На скалы? В такую погоду? Туда нужно минимум втроём ходить, чтобы пока один упал, другой с ним остался, а третий за помощью побежал.

На этой прискорбной, но правдивой ноте высаживает нас возле придорожного кафе через 15 километров — дальше не по пути.

Безуспешно голосуем 20 минут. Траву на обочинах припорошило снегом — растительность пощипывает коза, которая наблюдает нас как увлекательную смену пейзажа.

Решаем пройти чуть дальше — к попавшему в аварию грузовику, здесь как раз машины замедляют ход.

Ещё 15 автомобилей проезжают мимо.

— Подождём ещё одну, точно последнюю!

Если снова не повезёт, пойдём пешком. Но именно последняя останавливается — серая «Волга», на первый взгляд, полная пассажиров.

Встреча с этим водителем достойна отдельного рассказа. Про автостоп же хочется добавить — это не так романтично, как звучит. Это тяжело, иногда голодно, грязно и долго.

Но ещё это превосходный способ ближе подружиться с местными. Узнать, что их тревожит, а что радует. Каждый «случай-

ный» водитель, встреченный в дороге, остаётся в твоей памяти и дополняет картину мира.

Если хочется гарантированного тепла и комфорта – воспользуйся такси.

ОДИНОЧНЫЙ ЖЕНСКИЙ АВТОСТОП В АЗИИ

Бухара — Самарканд

Сентябрь 2019

Бухарская трасса, окружённая хлопковыми и подсолнечными полями. Пыль и отсутствие каких-либо населённых пунктов. Шёл третий час автостопа.

– Хочешь? – простодушно улыбнувшись, желтозубый мужчина лет 50-ти в замызганной тельняшке потянулся к моей руке.

– Чего? – занервничала я.

– Хочешь? – повторил он, гнусной ухмылкой недвусмысленно намекая.

Увидев мои глаза размером с самаркандский арбуз, он так же простодушно сказал:

– Если не хочешь, то не надо. Ты сэлка, да?

На первый взгляд, это был обычный дед, который ехал на потрёпанном грузовике из Навои. Подобрал меня на выезде из города. Я направлялась в Ташкент через Самарканд. У попутчика, видимо, были другие цели.

Он искренне не понимал, что не так, и продолжал крутить потёртый руль. В кабине пахло соляжкой и потом. Моим потом.

На первом же светофоре рву дверную ручку и выскакиваю обратно на дорогу. Быстрым шагом, не оглядываясь и жалея, что не умею материться на узбекском.

Такие случаи, к счастью, единичны: чуть раньше два весёлых развозчика-почтальона накормили меня жареным сазаном, позвонили всем родственникам по видеосвязи, чтобы похвастаться, что везут россиянку с синими волосами и «игрушечной гитарой». Один из них записал мой номер и до сих пор поздравляет со всеми праздниками по ватсапу.

Но понять культуру автостопа и одиночных путешествий среднестатистический житель СНГ в большинстве своём не может.

— А чего одна? А где муж? Дети есть?

Примерно на пятом таком вопросе мне это надоедает: надеваю кольцо на безымянный палец правой руки и обзавожусь семьёй с двумя детьми.

К сожалению, культура автостопа не признаёт равноправия: сексизм здесь процветает. Поэтому если вы девушка и вам во снах не приходят дальнбойщики, трижды подумайте, прежде чем отправиться стопить в одиночку. Идеально путешествовать парой — сразу отсекается половина вопросов.

Мой восточный автостоп закончился на 600-м километре: двое мужчин из Каттакургана настойчиво всучили 15 000 сумов (около 100 рублей), пресекли мои попытки объяснить философию и посадили на такси до Самарканда.

Такси — иногда необходимый вид транспорта в путешествиях. Здесь ты не обязан быть общительным и благодарным. Твоё право на молчание оплачено разноцветными купюрами, и можно спокойно проспать всю дорогу.

А газовый баллончик всё же стоит купить.

ДОБРОТА НЕЗНАКОМЦЕВ

Белорецк, Республика Башкортостан

Ноябрь 2018

— Женщина — друг человека!

С этой фразы товарища Саахова гостеприимный чеченец начал знакомить нас со своим домом.

Его семья — типичный патриархат. Мужчины добывают мамонтов, женщины мамонтов готовят. И все, в общем-то, довольны.

В Белорецке мы ночевать не планировали, пока не остановили эту «Волгу» на Уфимской трассе.

В машине было трое. За рулём улыбчивый парень, сзади мальчик лет 12-ти. Впереди на пассажирском — пожилой мужчина. Тюбетейка, борода, волевой подбородок и чуть раскосые глаза. Чеченцев не спутать с другими национальностями — их выдаёт острый гордый взгляд.

— Голос-то какой у тебя звонкий да голова ясная, сообразительная, на все мои вопросы отвечаешь! — поблёскивает чёрными глазами Магомет.

Немного тревожно — никогда не знаешь, что в голове у незнакомых людей. Между тем время близится к вечеру. В темноте по незнакомому лесу идти небезопасно.

А нас и отпускать никто не собирается. Мне уже подыскивают мужа, попутчику — жену.

Пассажир, который оказался здесь главным, мягко, но убедительно предлагает стать его гостями. С опаской, но соглашаемся. Вот такой невольный *каучсёрфинг*.

И ни разу не зря!

Получаем горячий плов с домашним хлебом производства дочерей. У стола притаились четыре разноцветных котёнка. Среди них отличался один — с усиками в точности как у фюрера и кротким нравом.

— Как на Гитлера похож!

— А мы его так и зовём! — засмеялась в платок средняя дочь.

После плотного ужина — экскурсия по ночному городу с главой семьи.

Каучсёрфинг (от англ. couch — кушетка, ложе и surfing — брожение, путешествие) — гостевая онлайн-сеть. Объединяет более 14 миллионов человек в 200 000 населённых пунктах мира. Члены сети предоставляют человеку помощь, ночлег или совместные путешествия. Девиз каучсёрфинга: «У вас есть друзья во всём мире, просто пока вы ещё с ними не встречались».

Что обычно думают жители Поволжья, когда слышат «Белорецк»? Самое популярное – горнолыжный комплекс, для продвинутых – место проведения горного марафона. Те, кто постарше, скажут, что здесь снимали часть сериала «Вечный зов».

– Сначала был завод. Потом вокруг него образовался посёлок. И делился он на Верхнее и Нижнее селение – рекой. В Верхнем, значит, проживала знать, а в Нижнем – остальная челядь, – добродушно размахивал руками прирождённый экскурсовод. – Сейчас нижневерхность особо не соблюдается. По крайней мере, чисто с географической точки зрения дома уже давно строят где угодно, хоть на горе.

Самое интересное в прогулках с местными – то, что они видят свой город глазами путешественников. Часто можно услышать фразы из разряда «о, а давно здесь это дерево?».

– Сейчас я вам покажу нашу гордость – деревянный мост. Я маленьким был, пешком через него ходил. Сейчас старый стал, уже не выдерживает.

Пару километров по кочкам и кустам, и вот перед нами самый длинный деревянный мост в России. Стоит здесь с XIX века. Его строили, чтобы сократить путь рабочим из соседнего района.

А позже именно на фоне этого моста Алейников делает Инютиной предложение.

Сейчас это было бы не так романтично: дерево поистлело, ветхие доски жмутся друг к другу из последних сил. Дать им вторую жизнь некому, поэтому власти решили снести то, что не могут сохранить. По крайней мере, часть основания моста уже была разобрана.

Тогда я не знала, что мы совершенно случайно стали свидетелями последних дней жизни уникальной достопримечательности Белорецка. Два года спустя рыхлые балки всё ещё держат теперь уже невидимый мост: за его восстановление борются местные жители.

Магия Южного Урала окутывала своими малахитовыми объятиями.

– А это железоделательный завод. Чугун да проволоку здесь делали во времена Оренбургской губернии. Сейчас тут металлургический комбинат.

«Железоделательный» пополнил мой список забытых и очаровательных слов. После таких находок хочется пару десятин усадьбы в Н-ском уезде и молодому барину за рюмочкой чая на житие сетовать.

Кадр из «Вечного зова». За спиной Инютина — Белорецкий мост

Из молодых баринов здесь только разве что барчонок: вихрастый подросток со всей положенной ему возрасту ноткой авантюризма тянет за толстовку.

— Давайте тоже погуляем, что ли, — словно невзначай, но на самом деле со жгучим интересом заявляет Руслан.

Теперь мы увидели городок глазами младшего сына приютившего нас человека. Глаза детские, пытливые, с линзами где-то подслушанной взрослости и налётом юношеского всезнания. Если линзы снять, останется искреннее желание понравиться и неподдельная любовь к семье. Выражается грубыми и неумелыми шутками, оттого подкупает.

Экскурсия ведёт к бывшей лесопилке. Некогда горевший деревообрабатывающий цех стал местом тайных собраний местных малолетних бунтарей.

Глядеть на закат с крыши полуразобранного ангара — бесценно.

Руся хитро щурится и расценивает — заберусь ли я с ним на чердак заброшенного домика.

— Валим!

Всё-таки увидели Белорецк с импровизированной смотровой площадки, пока в поле зрения не появились взрослые: с дисциплиной в семье строго.

Я засыпаю в отдельной комнате на заботливо приготовленной дочерьми Магомета постели. Для доброго водителя мы просто незнакомцы, которые, скорее всего, больше не вернутся.

Тем не менее, он находит нам знакомого таксиста, который рано утром отвозит за черту города: к месту, откуда начинается пеший поход на место, ради которого и было затеяно путешествие, — Инзерские зубчатки.

Тот же деревянный мост — последние кадры

ПЛОХАЯ И ХОРОШАЯ ГОРА

Инзерские зубчатки

Ноябрь 2019

К скалам, которые зубцами возвышаются над рекой Инзер, идти нужно пешком – около 20 километров по лесу и разбитой лесовозами дороге.

Исходная точка – посёлок Тирлянский.

«Весь покрытый зеленью, абсолютно весь, посёлок невезения в Башкортостане есть».

Местные жители говорят: мы живём в несчастливом месте. Посёлок почти вымер – четверть века назад на реке прорвало плотину. Наводнение разрушило завод, который обеспечивал работой всё местное население.

Добавляет трагичности соседство с загадочным Межгорьем – закрытым городом в горе Ямантау, в котором, по слухам, находится секретный объект. По словам одних, здесь строят подземный

бункер, кто-то говорит, что в этой горе добывают урановую руду. Как бы то ни было, все сходятся в одном – Ямантау и Межгорье охраняются правительством, и попасть туда просто так не получится.

Зато можно отправиться на соседние зубчатки, с которых видны вершины «плохой» (Ямантау) и «хорошей» горы (так называют Иремель).

Итак, Тирлян. Через полчаса начнёт рассветать. Изумрудный лес расступается перед путниками и плотно смыкается за их спинами.

Луны нет – фаза максимального убывания. Но белый снег компенсирует недостаток света. Вперёд.

Тропа ведёт в глубь леса и затем выходит на дорогу. Земля разбита грузовиками. Ещё вчера здесь была грязь, сегодня немного подморозило и можно ходить. Под подошвой ощущается рисунок шин внедорожников. Нужно было брать другие ботинки. К этой мысли я буду возвращаться ещё не раз.

– Семь лет назад к зубчаткам вела только одна дорога. Знай себе шагай – да придёшь. Сейчас же столько развилок, того и гляди заплутаешь, – чуть позже расскажет нам встречный турист.

Тропа промаркирована минкультом, но метки расположены довольно странным образом, по принципу «захотел – поставил,

не захотел – сам думай, куда свернуть». Поэтому, как всегда, выручает автономный навигатор и заранее распечатанный маршрут.

Однако в лес всё равно пришлось углубиться. Не нарочно. Беспопутал – решили немного срезать...

Посадка очень густая, поросль хвойных тянется вверх, ростки теснятся на расстоянии сантиметра друг от друга. Лесника на них нет, надо бы проредить.

Вспомнила о своей профессии инженера лесного хозяйства. От пяти лет университета остались обрывочные воспоминания латинских названий растений да пронзительно синий диплом с гордой тройкой по психологии – не сошлись взглядами с молодой преподавательницей.

– Смотри – следы!

Чем дальше в лес, тем их больше. Заячьи, лосиные. И как будто медвежьи, похожи на отпечаток задней лапы. Эти припорошены снегом, а лосиные свежие – вот только проходил.

Стройные берёзки переглядываются с ёлками – мол, ишь, ещё одни храбрецы.

На всякий случай нащупываю в кармане свисток. Это стало уже привычкой и успокаивающим эффектом – защита от бродячих собак, хулиганов и, как наивно верится, медведей.

После часа блуждания по бурелому вновь выходим на тропу. Утро в самом разгаре, но особо светлее не стало: небо затянуто одной сплошной тучей, и солнце безуспешно пытается маякнуть из-под плотной дымки.

Теперь часто останавливаемся, чтобы свериться с маршрутом. Идти километров 17, а маркированная тропа говорит, что 23.

Ещё чаще притормаживаем, чтобы поглазеть на пейзаж. Лес, снег, яркий запах хвои и свободы кружат голову. 12-килограммовый рюкзак за плечами немного отрезвляет.

— Слышали шутку про гусеницу? Мол, я почему в походе не устаю? Потому что в лес с гусеницей от трактора хожу, а если устану — бросаю её, и сразу гораздо легче становится!

Встречные шутники бодрят. Ботинки «для лёгкого треккинга» промокли насквозь. Упустила момент, когда походы перестали быть лёгкими. Все же знают, что не стоит ходить в поход в новой обуви? Я тоже в курсе. И вот — шагаю в новеньких ботах.

С бульканьем присаживаюсь на пенёк, чтобы сменить носки. Мимо проезжает лесник на квадроцикле.

— Дочка, надень пакеты на ножки-то! — качает головой лесовичок.

Инзерские зубчатки — русский Стоунхэндж

Схема рабочая, проверенная. Да только пакеты пока все заняты продуктами.

Хлюпаем дальше. На подходе к охотничьему кордону встречаем группу туристов. Пять человек – солянка: Екатеринбург, Уфа, Самара. Впереди брод, говорят, переходили босыми, а девушки – в резиновых сапогах.

У меня только берцы в запасе. Планируем идти босиком. Но не тут-то было! Как только приближаемся к реке Миселя, из-за поворота лихо вырывает знакомый квадрик. Улыбается лесник – запрыгивайте!

Переходов брода было достаточно годом раньше в осеннем походе на Мамбет, самую высокую скалу Башкирии. Тогда извилистую горную реку Зилим пришлось переходить двенадцать раз. Потому в этот раз от помощи не отказалась. Дядя Саша в секунду перевёз нас через брод и пригласил в гости к себе в лесничий домик.

Избушка ровно что из детских сказок, того и гляди Баба-яга нос из угла высунет.

Охотничий кордон – бывшая деревня. Раньше здесь было три десятка домов, остался один. Хозяин-старожил – дядя Саша. Живёт в Тирлянском, на кордон периодически приезжает. В домике обосновался егерь дядя Вася, или Вазир.

Обветренными пальцами – одного не хватает – Вазир заваривает крепкий кофе, пока дядя Саша отыскивает для меня сухие носки. Сушила их потом над костром на жёрдочке.

– А вы знали, что Инзерские зубчатки – это неправильное название? Мы называем этот хребет Тирлянским Ялангасом, в переводе – малинник. – Вазир грузно встаёт с железной кровати.

Погрелись у лесничих и направились дальше. До конечного пункта около трёх с половиной километров. Скоро стемнеет. Начинает идти лёгкий снег, замечая наши следы.

Со стороны скал слышатся шаги – у нас гости. На повороте появляется рыжий пёс с трекером на шее. Оглядывает нас, разворачивается и начинает буквально вести по тропе. Со всеми её извилистыми поворотами, согласно навигатору, ни разу не ошибаясь.

Переглядываемся, забрасываем сверку с маршрутом, идём за дружелюбным псом.

Примерно через километр к нему присоединяется подружка. Обе собаки – помеси охотничьих и дворовых пород. Бегут впереди, иногда нетерпеливо оглядываясь. На привале скормили им печенье и шоколадку. Чуть не отхватили мне палец.

На подходе к скалам встречаем ещё один квадроцикл. Охотники. Оказывается, это их собаки нас провожали.

— Не видели тут мужчину в таком же костюме, как у нас? Тёмненький. — Оказывается, в горах потерялся их собрат.

Погода мокрая, снег на скалах превратился в лёд и стал смертельно опасным. Один водитель, который провёз нас целых 15 километров по уфимской трассе, сильно отговаривал от похода — мол, места гиблые.

Тем временем маршрут приводит к первой зубчатке. Возле неё — стоянка, уже оставлена пара брёвен-стульев и место для костра. Здесь и разбиваем лагерь, пока видимость позволяет.

Летняя палатка из дешёвого тента выдерживала проливные дожди Грушинского фестиваля и теперь стоически переносила башкирскую метель, в которую превратился лёгкий снег.

На ночь оставили тлеть костёр — распугать зверей.

Посреди ночи в снежном вое послышались отчётливые мелкие шаги — кто-то явно хотел совершить палаточный подкоп.

Свисток пригодился. «Фью-ю-ю-ю-ю-ю», раздавшееся у подножия зубчаток, наверняка распугало всех монстров: когда сразу после воинственного клика я выползла из палатки, рядом одиноко

тлела сосна. Под утро разбудил выстрел — это охотники продолжали искать товарища.

Завтрак в походе — самая вкусная еда. Будь то каша на воде из соседнего озера или чай, заваренный на только что сорванных травах.

Утреннюю трапезу прервал задорный смех: через минуту из тумана появились двое с огромными рюкзаками, литров на 120 каждый. Оказалось, ребята здесь уже в четвёртый раз — любезно провели нас хитрыми тропками к тем самым Зубчаткам.

Юрий оказался из Оренбурга — с другом из Уфы они проводили на Инзере отпуск. Какой тут гамак и море? Суровые уральцы предпочитают каменистые тропы, воду из родника и жёсткое спальное место в палатке.

Показывая, куда лучше наступать, дабы сохранить конечности в целости и сохранности, Юра в сотый раз внимательно поглядел на нас и внезапно сказал:

— А это ты в Киргизии поезд догоняла?

Оказывается, мой рассказ о прошлогоднем путешествии в Тянь-Шань разошёлся по порталам Рунета. Прогулка становилась веселее. Берцы проваливались в узкие расщелины, норовя соскользнуть в глубь, маячащую чернотой.

— Здесь прятались местные во времена репрессий, — со знанием дела кивнул Юра и поправил усы-сосульки.

Сейчас одну из скал в северной части хребта на воротах цирка (так туристы называют россыпь курумников и скалы в виде замка) венчает траурная табличка с роковой историей: год назад здесь сорвалась пара альпинистов, девушка погибла на месте, парень выжил. Выжил, но через год погиб в горах на Алтае.

Инзерские зубчатки оставили тяжёлое впечатление. Красивые и неприступные крючковатые скалы возвышаются стеной над горной тундрой, где 300 миллионов лет назад было море.

Есть легенда, что эта стена, которая выглядит рукотворной, — граница между добром и злом.

Здесь пропадают люди, а те, кому посчастливилось вдохнуть елового воздуха, поглядеть на «плохую гору» Ямантау и вернуться в тёплые дома, относятся к скалистым вершинам с должным уважением.

ГОРОД ТЫСЯЧИ СТУПЕНЕЙ

Херцег-Нови

Балканы. Декабрь 2019

— «Помните ваших фриков».

Костя поставил чашку обжигающего кофе на влажный после дождя балконный столик и с улыбкой кивнул в сторону площади. Там застыл в чудаковатой позе местный «оригинал».

Стоять ему спиной к Адриатическому морю вечность, или пока любители полировать памятникам нос «на удачу» не сотрут последнего в прах. Который над этим самым морем обязательно и счастливо развеется.

Он жил в Херцег-Нови в 60-е. Нюня, как его звали, постоянно ходил в костюме трубочиста и не почистил ни одной трубы. Каждого желающего неизменно записывал в блокнот, но сокрушался, что не может взяться за работу сегодня, потому что уезжает в Белград.

Никто не знает, доехал ли он когда-нибудь до Белграда, но сейчас у пристани стоит памятник городскому сумасшедшему в полный рост. Внизу написано: «Помним своих оригиналов», или, как сказал Костя, фриков. Местные утверждают, что такими наполнен весь Херцег-Нови.

Целый день, пока я грелась в каменной вилле (у черногорцев нет центрального отопления, и зимой они предпочитают просто теплее одеваться), Нюня простоял на бульваре один, изредка поглядывая бронзовыми глазами на ленивых чаек.

На следующее утро площадь оживилась — время предрождественской ярмарки. Тут же и нашлось подтверждение высеченной на камне фразе про оригиналов — долго искать их не пришлось.

Синяя шляпка и меланжевый шарф честно пытались, но не смогли спрятать в своей пестроты чётко выточенные скулы, всё ещё яркие глаза и горделивый нос. Обладательница классических черногорских черт и солидного возраста эмоционально обсуждала с не менее эпатажной соседкой последние новости.

С них можно было писать картину, что, кажется, и делал местный художник, расположившийся напротив для продажи уже готовых работ. В воздухе смешались ароматы парфюма, свежих

Адриатическое море

трав, цитрусовых, коих в избытке в каждом дворе, и летал перезвон сербского наречия.

Сербский, хорватский, боснийский и с некоторого времени черногорский – эти языки по сути отличаются только диалектами. В одних районах екают, в других джэкают, а в третьих экают. Где черногорец скажет «де», босниец смягчит – «дже».

– Если хочешь, чтобы тебя поняли в Черногории на русском, просто ставь везде ударение на первый слог.

Костя переехал в *Монтенегро* из Москвы шесть лет назад. Точнее, как переехал – однажды выступал тут с группой и остался. Вместе с женой и маленькой дочкой они снимают двухэтажный домик за 200 евро в месяц. Рядом стоит старый, откуда ещё не перевезли все вещи. В нём меня и приютили.

Каштановые кудри обрамляют утончённые черты лица. Музыкант выглядит как человек, познавший вкус жизни. Он смотрит на залив, слегка прищутив глаза, – то ли от удовольствия, что капризное солнце на секунду показалось из-за горы, то ли от мелодичных мотивов, которыми словно пронизан каждый его жест.

Монтенегро – итальянизированное название Черногории, самого маленького по численности населения государства Балканского полуострова.

— Это место производит больше истории, чем может потребить.

Даниэль, ещё один житель этого «постоялого двора», закури-
вает крепкий табак. Именно благодаря Данилу (он тоже русский)
я сюда и попала: написала ему на портале для путешественников.
Гостеприимные бывшие москвичи выделили мне тёплый уголок
на неопределённое количество дней.

Я сплю на кровати под лестницей первого этажа. Прямо передо
мной шумит Которский залив Адриатического моря.

Первый этаж здесь не считается первым. Он называется «при-
земле», а первый по-черногорски находится над ним — тот, что
мы назвали бы вторым.

Холмистая местность сказывается и на строительстве: дверь
в сад выходит как раз из второго этажа. Спустишься по крутым
ступенькам — и вот ты уже у моря.

— Херцег-Нови называют городом тысячи ступенек. Видела,
сколько их?

Город расположен у подножия горы Оръен, или попросту Орен.
Так сокращённо называют Оренбург. Куда бы ты ни уехал, знако-
мые места напоминают о себе тайными знаками.

Если сойти вниз, можно попасть в игру Посейдона, памятник
которому возвышается на берегу. Идти по узкой набережной,

Вид на Херцег-Нови

на местном наречии «шаталище», небезопасно, если хочешь остаться сухим: море в буквальном смысле накрывает с головой.

Волна отошла. 1, 2, 3... 8 — и ещё одна. Значит, у меня есть примерно семь секунд, чтобы перебежать хулиганский участок и остаться сухой. Всё-таки декабрь, в это время здесь около плюс 10-ти по Цельсию.

Мы с Даниэлем едем пообедать в другую страну. Это не прихоть европейцев, а необходимость для тех, у кого нет вида на жительство в Черногории.

К ежемесячному *визарану* русские черногорцы принаровились. Три часа езды, и мы на границе. После проверки пограничником и тремя котами, которые важно вышагивают то по Черногории, то по Боснии, арендованная машина привезла нас в окрестности Требинье.

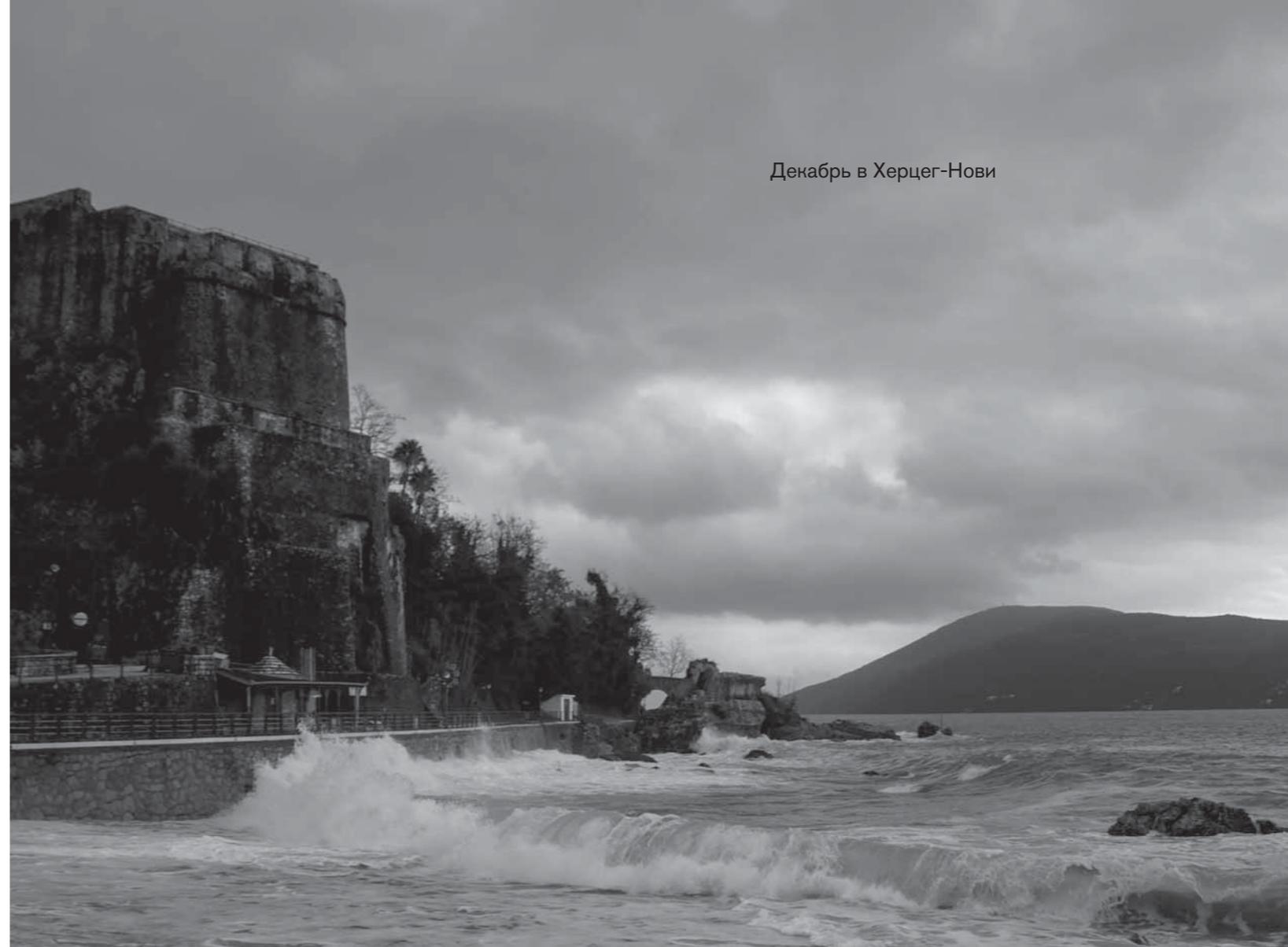
— Ты знаешь, что там, где мы живём, на самом деле не Черногория, а Бока? Королевство Черногория начинается за горой Ловчина и Будвой.

Данил укутан в бежевый свитер крупной вязки. В капюшоне на верёвочках, накрывшем его с головой,

Визаран — способ для россиян жить в Черногории круглый год с помощью ежемесячного пересечения границы.

Королевство Черногория — государство, существовавшее на Балканском полуострове с 1910-го по 1918 год. 26 ноября 1918 года Черногория вошла в состав Королевства Сербия. С 2006 года Черногория — независимое государство.

Декабрь в Херцег-Нови

он словно весь состоит из этого свитера — неторопливый, добрый и спокойный.

От этого ещё более контрастно смотрится за рулём: разгоняется по максимуму, пролетая змеистые тропинки под международный рок. Мимо проносятся гигантские кактусы, коих в Черногории полно. Чувствуешь себя героем современного путешествия Гулливера — не искушённая сотнями стран, я вижу такую растительность впервые.

Прошёл день, второй.

— Я бы могла здесь жить.

На стройных пальмах созревали неведомые плоды, напоминающие горстку винограда, только ярко-жёлтого. Море пахло свежестью и бессовестным счастьем. С площади у дома мудро улыбался Нюня — он знал, что я уеду. Все уезжают.

Меня ждал Север.

НОВЫЙ ГОД В ПЛАЦКАРТЕ

В период новогодних праздников, когда страна радуется совершению очередного оборота Земли вокруг Солнца, я активно ищу, куда бы ещё уехать. Вообще не люблю дни, когда нужно веселиться согласно календарю. А вот длинные выходные приветствую (пожалуй, за это можно и полюбить григорианский календарь).

Всё началось с того, что я захотела сесть в поезд в прошлом году, а сойти с него уже в нынешнем. Дальше возник вопрос — а куда, собственно, сходить? Тут ещё рюкзак выглядывает из-за угла, манит. Решила: надо собирать.

В ответ на желание отправиться куда глаза глядят глаза сонно закрывались и отказывались кому-либо открывать. Потом предательски косились на карту мира, в сторону Эльбруса. Организм всеми конечностями склонял мозг бросить эту затею и построить домик из одеял, наслаждаясь суровой оренбургской зимой через утеплённый стеклопакет. Выбор был сложен.

Итак, 31 декабря мы с друзьями... то есть с рюкзаком, отправились по маршруту Оренбург – Пятигорск в плацкарте РЖД. А годом раньше – по маршруту Соль-Илецк – Алма-Ата в казахстанском поезде. Казахстанском потому, что покупка билетов на сайте Казахстан темир жолы обойдётся в 10 раз дешевле, чем в РЖД. 800 рублей – и ты в бывшей столице Казахстана.

Оба раза моими соседями становились вахтовики – кто ещё путешествует в новогоднюю ночь?

Ещё на девять процентов население новогоднего поезда состоит из молодых семей, которые, как утренние бабушки в автобусах, ехали туда, не знаю куда, но обязательно с грудными детьми, и на один процент – из девушек с туризмом головного мозга (будем знакомы).

Двое суток в поезде – это возможность выспаться на год вперёд под аккомпанемент храпа с соседней полки и прочитывать книги, которые давно откладывала. Если вы фанат бумажных страниц и не прочь везти за 2500 километров килограммы историй, которые займут достойное место в рюкзаке, то атмосферным чтением насладитесь вдоволь... А запасной комплект белья можно и дома оставить, да и мирскую еду вполне заменит духовная пища.

Мне же удобнее возить с собой библиотеку. Электронные книги места не занимают — их хоть центнерами, то есть гигабайтами грузи.

Правда, с розетками в плацкарте беда — если не хочется вдыхать ароматы туалета, пока смартфон питается энергией, стоит взять с собой пауэрбанк. Как альтернатива дополнительные розетки есть в плацкартных купе с местами 39–40 и 51–52, можно заранее позаботиться о билете в этих уголках.

Длительные остановки в городах можно использовать во благо: за 20 минут, что стоит поезд, я успела поздороваться со знакомым журналистом из Кзыл-Орды и получить в подарок домбру и казахстанскую симку.

Народный казахский инструмент поселил в моём мозгу мысль о покупке укулеле — гавайской гитары размером с балалайку, то есть гораздо легче и меньше гитары обычной. А значит, она идеально подойдёт для путешествий.

Но пока под рукой нет гитары, а на домбре играть я не умею, остаётся записывать стихи. В дороге, когда рядом нет привычных отвлекающих факторов, приходит время выпустить на свободу мысли, которые долго варились и ждали своего часа. Ритм поезда задаёт и ритм стихотворения:

Новогоднее путешествие в Киргизию (Чолпон-Ата)

*Шагают часы вперёд. А сердце бежит назад.
В охапку январь берёт и втискивает в рюкзак.
Пронесётся мимо дни, обочины и кусты.
Мерцают в кустах огни, и кто-то, быть может, ты,
шагает опять вперёд. Шагать ещё и шагать.
Настанет и твой черёд молиться седым богам,
просить об отсрочке дат, чтоб солнце и время вспять.
Но снова бегут года, и боги уходят спать.*

Дописываю до точки и ухожу спать и я в мерцающей темноте вагона. Завтра — новое место, которое тоже зарифмуется с эмоциями и останется в этой тетради, а может, отзовется в чьём-то сердце.

УЕХАТЬ НА КАВКАЗ И ВЕРНУТЬСЯ

Нальчик, Пятигорск, Эльбрус

Январь 2019

«Этого места нет в 2GIS. В случае чего меня вряд ли кто-то найдёт», — отчуждённо размышляла я, пока ждала прихода незнакомого сирийца, у которого договорилась пожить несколько дней.

Когда доширак и колбаса закончились, стук колёс поезда прописался в голове фоном надолго, а тело познало все прелести верхней полки, проводник заботливо выпроводил сонных пассажиров:

— Добро пожаловать в Пятигорск, приходите ещё.

Так никто не говорил. Забрали бельё и выпустили в Пятигорск с его знаменитым озером Провал, лермонтовским сквером и извилистыми улочками.

— А с какой целью вы берёте деньги за вход в Провал?

— С целью капитального ремонта. Чтобы не слишком провалился, — примерно так говорил Остап Бендер.

Голубые озёра Нальчика

Место, где был убит Лермонтов, влюбляет в себя сразу и надолго. На Пятигорск у меня только два дня, и то на обратном пути: пока путь ведёт в Нальчик.

До приезда сюда о Нальчике у меня были ассоциации не из самых приятных. С атаки боевиков на силовые структуры прошло почти 15 лет, город пропитался туристским духом, но всё равно тревожно.

Тараканы в голове притихли, рука нащупывает в кармане спасительный свисток, мозг храбрится, сердце пропускает стук, предвкушая приключения.

Ноги направляются к месту встречи с нальчанином, найденным на каучсёрфинге — гостевом сервисе для путешественников, где можно найти ночлег и обрести друзей.

Чуть позже мы с Кантемиром (имя изменено. — **Авт.**) поём «Нирвану» на улицах ночного Нальчика. Тревожилась зря — молодой человек очень дружелюбен. Он недавно переехал в Нальчик из Сирии, а каучсёрфинг для него, как и для многих, — способ найти друзей.

Кантемир изучает русский, в идеале знает английский. Хватаюсь за возможность тут же попрактиковаться. Говорим на весёлой смеси иностранных друг для друга слов. «Как это по-английски?» звучит чаще, чем «спасибо».

Кантемир активно интересуется культурой местных народов, делится ключевыми отличиями кабардинцев от балкарцев, которые я так и не запомнила, знакомит со своими музыкальными друзьями и водит по непопулярным достопримечательностям.

— Хочу показать тебе нашу реку! — увлечённо и без акцента говорит сириец.

Рекой оказался увядающий ручей с некогда широким руслом. Сейчас же среди курумника текла тонкая струйка мутной жижи.

— Ну как тебе? — восхищённо допрашивает влюблённый в свой дом парень.

— ...Аутентично...

Рядом зиял пустыми окнами полуразвалившийся детский лагерь советских времён. Око пустого бассейна стало пристанищем забытых бутылок и улиток. Разруху охранял редкий лес, окружённый Кавказским хребтом. Колоритное зрелище, приправленное байками и легендами, коих полно в любом месте.

По мере знакомства с культурой и населением Кабардино-Балкарии я всё больше недоумевала: где те грозные кавказские разборки или неуважение к ближнему и дальнему, о которых говорят в Рунете? Специально не искала и не встретила. Зато гостеприимства, искреннего желания подружиться и помочь — с лихвой.

Метель на Эльбрусе

В очередной раз убедилась, что все мифические фобии улетучиваются, стоит сделать шаг вперёд.

— Кто приезжает в Нальчик, обязательно едет на Козий рынок! — советует бородатый друг Кантемира, качая на руках пытавшегося сбежать сына.

Кабардино-балкарский рынок, в народе известный как Козий, собрал всё, что можно сделать из шерсти: тёплые носки, шапки, варежки, свитера. Приходить сюда советуют, мимикрировав под окружающую обстановку, дабы цены резко не возросли при виде туриста. Мне в разноцветной горнолыжной куртке, ярких штанах и с 20-килограммовым рюкзаком за плечами играть в местного жителя было бесполезно. Однако расценки всё равно удивили. Тёплые пуховые платки здесь стоят 150–300 рублей — в десять раз меньше, чем в знаменитом платками Оренбурге. Главное — брать серый или белый: яркие паутинки в основном синтетические, как сказала одна мастерица.

— Сколько стоит этот свитер с оленями?

— 1000 рублей... 800... За 600 отдам!

Пытаясь остановить невольный антиаукцион, покупаю у милой бабули связанный ею прямо на месте свитер. Хочется дать больше, но, вероятно, здесь это нормальная цена. Бабушки про-

двинутые — если не хватит наличных, можно перевести им на карту.

В новом свитере и носках дорога только на Эльбрус, который от Нальчика рукой подать. Многие едут на Северный Кавказ исключительно ради склонов Приэльбрусья. Часто заказывают туры, в которых за трансфер от Нальчика до поляны Азау дберут в три раза больше, чем у меня ушло на всё десятидневное путешествие.

Попасть же на стратовулкан можно гораздо дешевле. Для этого необязательно обладать идеальным знанием географии и кабардино-балкарского языка — за всё время здесь я выучила только слово «упсо». Означает «спасибо». Так вот, упсо разговорчивым местным: от Нальчика до Эльбруса я добралась за 300 рублей и несколько часов.

— На Эльбрусе сегодня лавиноопасно, метель обещают, давайте вас в Чегет отвезу, отдохнёте по полной, — проявил заботливость подбросивший до Терскола водитель.

— Спасибо, но трассы Чегета слишком черны для меня, да и цель — Эльбрус, — отнекивалась я.

Метель и вправду была, да такая, что выше 3000 метров сделать фото, а значит снять перчатку, было чревато обморожением.

Тропки Пятигорска

Замёрзшие Чегемские водопады.
Кабардино-Балкария

Стайки сноубордистов и лыжников между заездами грелись по кафе. Как бы то ни было, восторг от спуска с пятикилометрового склона перечеркнул все погодные нюансы.

За неделю, проведённую на Северном Кавказе, у меня появился с десяток новых друзей, контраргументы, опровергающие стереотипы о кавказцах, пара килограммов от щедрых угощений и шрам на подбородке – следствие удара об Эльбрус (словила-таки кант на сноуборде).

Как оказалось, самое сложное в возвращении с Кавказа – заставить себя сесть на обратный поезд.

Восхождение на пик Охотничий

ГЛОТОК ВОДЫ

Ташкент.

Восхождение на пик Охотничий

Сентябрь 2019

– Чёрт меня понёс в эти горы... – ворчал один из семнадцати коллег по непростому восхождению.

Шёл восьмой день моего путешествия в Узбекистан. Чужие, но уже близкие люди, ночёвка в древнем караван-сараяе, пыльные трассы, знаменитый плов и не такая же известная, но от этого не менее вкусная сырдарьинская рыба. Теперь настал черёд гор.

Всю неделю я терпеливо ждала этого дня.

Рано утром нас высадили где-то под Ташкентом. Случайные коллеги с интересом разглядывали друг друга – знакомы не все.

Маршрут обозначен так: «только для выносливых с хорошей физической подготовкой». Категория оправдывает себя с пер-

вых шагов — тропа начинается с почти вертикального сыпучего подъёма.

Птичек и букашек на плёнку не снимаешь, это явно не прогулка. От пробы не удержалась: крупная птица так по-киношному парила в небе, что я остановилась достать камеру из рюкзака. Держать её снаружи — не лучшая идея: если упадёшь, можешь попрощаться как минимум с техникой.

20-секундная остановка относит тебя в хвост группы и сбивает дыхание. Лучше идти в одном темпе.

— Не ходи так широко, больше устанешь. Двигайся медленно, маленькими шажками. Один шаг на один вдох.

Улыбчивый проводник терпеливо наблюдает, как я старательно и, кажется, комично делаю вид, что не умираю от нехватки кислорода. Следую его советам — становится легче.

С мудростью одуванчика, выросшего на дороге, помечаю себе, что этот способ во всём можно применять — лучше идти упорно к цели, хоть и медленно, чем скакать семимильными шагами и сдать на полпути.

Движемся уже километров семь по извилистой тропе. Сухие ветки здороваются с тобой по-своему, оставляя на руке ровные царапины — к зиме заживут. Рыжие хребты, словно застывшие

динозавры, величаво молчат. Бирюзовая чаша озера теперь размером с небольшой бассейн — высоко забрались.

Вдалеке виднеются крохотные точки — это стадо горных козлов спешит к водопою. Вверху напряжённо парят орлы и стервятники. Выжидают, кто же сорвётся — туристы или животные.

— Ка-амни!

Это кричат сверху. Значит, кто-то оступился, и сейчас к тебе прилетит кусочек горы. Отпрыгивать в сторону или группироваться на месте — решать нужно в ту же секунду. Я предпочитаю застыть, напрягая все мышцы.

Проходим мимо Чарвакского водохранилища, на которое открывается сочный вид между парой хребтов. Цель — пик Охотничий, высота 3099 метров. Мне предстоит покорить первый трёхтысячник.

Камешки под ногами настолько острые, что устраивают через толстую подошву треккинг-ботинок массаж нежным ступням. Те, в свою очередь, отзываются свежими ранами. К концу маршрута чувствовала себя двойником Русалочки — шла как по ножам.

Рядом, аки горный козлик, скачет один из проводников в лёгких кедах. Его подошвы утрамбованы многолетними походами — Шавкат бегаёт по этим горам с детства.

Вид на реку Чаткал. Высота 3 000 метров над уровнем моря

Наконец привал. Достать из рюкзака воду, самую обычную воду. Осталось на один глоток. На вкус он кажется лучшим, что ты пробовал в жизни.

Долго отдыхать некогда — обещали дождь. Дождь в сыпучих горах — аттракцион весёлый, но смертельный. Поэтому идёшь как можно быстрее и в то же время осторожно. Однако всё равно есть сайгаки, которые бегут впереди и лишь изредка останавливаются, чтобы подождать остальных.

Остальные дошли? Значит, можно бежать дальше. И так, привалы для большей части группы ограничивались 30-секундным падением на рюкзак ногами вверх. Ещё дважды поели, тут целых 15 минут стояли. Это за 25 километров-то.

В полутора часах от заветной вершины на перевале остаются два человека, которые решили не подниматься дальше. Ещё один отстаёт позже с острой горняшкой.

Горная болезнь настигает почти любого при быстрых подъёмах выше 3000 метров. Мне сначала было терпимо, потому что дала команду организму «боевая готовность». Но чужой климат, жёсткая дорога и разреженный воздух взяли своё, правда, только к концу похода, когда уже точно стало ясно: мы это сделали.

Тогда-то меня и настигла вся прелесть последствий взятия высоты.

Зато до Ташкента ехала впереди, как царь. Чтобы в случае чего быстро выпрыгивать. Выпрыгивать пришлось ещё трижды. Отпоили минералкой и дали таблетку с кислоткой. Уснула, свернувшись калачиком в узком кресле микроавтобуса.

Как только добралась до своего временного дома, первым делом вымокла в ванной, выпила куриного бульона и горячо пообещала себе завязать с походами. Всегда так делаю.

— А поехали следующей весной в Фаннские горы? Там пятитысячники, снег не тает и опасно жутко!

Это Надя — мой новый гостеприимный друг из Узбекистана. Её сын-школьник после важно проводит меня до метро и возьмёт обещание вернуться.

— Конечно поехали!

Весной никто никуда не поехал — Землю накрыл вирус.

На вершине пика открывается вид на Чарвак,
Большой Чимган, плато Пулатхан

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прошло больше полугода с объявления пандемии. Повсюду маски, надетые на маски, торговля антисептиком и отмена рейсов. Загранпаспорт затерялся среди бумаг, отложенных в «чёрный ящик». Измерять температуру в аэропорту нам, похоже, будут ещё долго.

В самолёты не пускают без маски и перчаток, но через час раздают еду, и все средства защиты пассажиры, конечно же, снимают. Театр абсурда в действии, и у тебя в нём роль массовки.

Города, которые постоянно страдали от потока туристов и за их же счёт жили, стали чище, но беднее.

Палатка пока не выезжает дальше Ленобласти — с ночёвкой на выходные. Спальный коврик временно превратился в гимнастический. Бумажные книги вернули себе пальму первенства, задвинув на виртуальную полку электронную библиотеку.

Я уже не уверена, что смогу, как раньше, безрассудно пускаться в автостопные приключения и ночевать у незнакомых людей. Грядущие путешествия определённно будут качественно другими, но они будут.

Август 2020. Я просыпаюсь в четыре утра и проверяю вещи по списку. Пора выходить.

*Морская пена, закаты, сосны, откуда вся эта красота;
дорога — это вернуться после, и в то же время остаться там.*

Сергей Лачинов

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3	ГОРОД ТЫСЯЧИ СТУПЕНЕЙ	
НОЧЬ ВО ДВОРЦЕ: ДВУХСОТЛЕТНИЙ ПРИЮТ		Херцег-Нови. Балканы. Декабрь 2019.....	42
Бухара. Сентябрь 2019	4	НОВЫЙ ГОД В ПЛАЦКАРТЕ.....	51
БЕСПЛАТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ		УЕХАТЬ НА КАВКАЗ И ВЕРНУТЬСЯ	
Автостоп.....	13	Нальчик, Пятигорск, Эльбрус. Январь 2019	58
ОДИНОЧНЫЙ ЖЕНСКИЙ АВТОСТОП В АЗИИ		ГЛОТОК ВОДЫ	
Бухара – Самарканд. Сентябрь 2019.....	19	Ташкент. Восхождение на пик Охотничий. Сентябрь 2019	69
ДОБРОТА НЕЗНАКОМЦЕВ		ПОСЛЕСЛОВИЕ	76
Белорецк, Республика Башкортостан. Ноябрь 2018.....	22		
ПЛОХАЯ И ХОРОШАЯ ГОРА			
Инзерские зубчатки. Ноябрь 2019	31		

Анна Михайловна Терентьева
Вольные путешествия

Редактор Вячеслав Моисеев
Верстка – Леонид Маслов
Корректор Людмила Моисеева
Фото автора

Допечатная подготовка:

Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. 8-902-365-41-99.

Подписано в печать 27.08.2020 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»:
620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург,
переулок Автоматики, дом № 2ж.

Тираж 200 экз. Заказ № 12389.

ISBN 978-5-907297-44-9

9 785907 297449